

ШАРЛЬ БЮФФЕ, ТЬЕРРИ МЕЙЕР

8 ПОЛЮСОВ ФРЕДЕРИКА ПАУЛСЕНА

ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР ХОЛОДА

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
АРТУРА ЧИЛИНГАРОВА

Paulsen

Шарль Бюффе

**8 полюсов Фредерика Паулсена.
Путешествие в мир холода**

«Паулсен»

Бюффе Ш.

8 полюсов Фредерика Паулсена. Путешествие в мир холода /
Ш. Бюффе — «Паулсен»,

ISBN 978-5-98797-097-3

Казалось бы, странное хобби – путешествовать к полюсам нашей планеты. Однако для шведского предпринимателя Фредерика Паулсена это стало настоящей страстью. Он потратил тринадцать лет, чтобы посетить все восемь полюсов Земли, став первым – и пока единственным – человеком, сделавшим это. Почему полюсов восемь? Дело в том, что в каждой полушарии кроме географического и магнитного полюса есть еще и геомагнитный полюс, а также полюс относительной недоступности. Достижение каждого из них – настоящее приключение; однако эта книга не только о путешествиях Паулсена и его товарищей. Она рассказывает о полярниках-первооткрывателях, об истории исследования полюсов и, конечно, сообщает любопытные и малоизвестные факты о самих полюсах.

ISBN 978-5-98797-097-3

© Бюффе Ш.
© Паулсен

Содержание

Вступительное слово	6
Увертюра	8
Глава 1	32
Глава 2	51
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Шарль Бюффе, Тьерри Мейер

8 полюсов Фредерика Паулсена.

Путешествие в мир холода

©Издательство Paulsen, Москва, 2015.

Издательство Paulsen входит в холдинг Paulsen Media.

* * *

«Мне ее подарила Хизер; уверен, что ты сумеешь ею воспользоваться лучше, чем я».

«Однажды летом 1999 года на Шпицбергене, когда я в первые пытался добраться до Северного полюса, – рассказывает Фредерик Паулсен, – мой друг Аллен Макклей, которого сегодня уже нет, протянул мне фуражку, подаренную ему женой, произнося эту фразу, которую я никогда не забывал. За тринадцать лет этот головной убор побывал со мной на всех полюсах Земли».

Вступительное слово

Писать о Фредерике Паулсене мне и легко, и сложно. Легко потому, что за наше 15-летнее знакомство мы вместе побывали в десятке экспедиций, относящихся к категории «самых-самых». А сложно по той же причине – как бы о чём-нибудь не забыть, показать Фредерика со всеми его достоинствами.

По моему убеждению, швед Фредерик Паулсен относится к той же категории людей, что и норвежец Тур Хейердал, и француз Жак Кусто. Им всегда было мало обыденности, им хотелось заглянуть за горизонт. А поскольку горизонт – понятие относительное, четкой его границы нет, то их тянет все дальше и дальше, и так до бесконечности. В активе героя нашего повествования несколько экспедиций на Южный и Северный полюса – в том числе морская экспедиция с погружением на дно Ледовитого океана, исследование дна Байкала и Новосибирских островов, зимний автопробег от Магадана до Якутска в 50-градусные морозы. Кто из россиян может похвастаться такими достижениями? Недаром Фредерик стал первым из иностранцев почетным членом Русского географического общества и Ассоциации полярников.

Паулсен не ограничивается поверхностным знакомством с высокими широтами. Его волнуют вопросы развёртывания там научных исследований, публикации материалов по их итогам. Накануне Международного полярного года 2007–2008 он основал в Москве полярное издательство, специализирующееся на публикации материалов о высоких широтах. За 2007–2014 годы было подготовлено и опубликовано более пятидесяти книг. Важнейшей из них стала, на мой взгляд, серия из семи книг по итогам Международного полярного года. Несомненный интерес вызывает и серия «Арктические острова и архипелаги», в рамках которой вышли книги о Новой Земле, острове Вайгач и Земле Франца-Иосифа. Уникальна и «Северная энциклопедия», собравшая огромный объем информации об Арктике.

В отличие от многих путешественников, для которых описание своих странствий является источником существования, Фредерик, к сожалению, не пишет книг о своих путешествиях, не снимает об этом фильмов. Поэтому о нём известно немногим.

В свете этого выход данной книги представляется очень важным: надо делиться с другими своими наблюдениями и выводами об устройстве природы и человеческого общества. Книга, которую вы держите в руках, – лишь одна из страниц в его биографии. Надеюсь, что за ней последуют другие, которые с интересом будут встречены читателями.

Успешных тебе странствий и дорог, дорогой мой друг Фредерик, и новых впечатлений и воспоминаний!

АРТУР ЧИЛИНГАРОВ

Герой Советского Союза, Герой России.

В августе даже в окрестностях полюса припай начинает разрушаться.

Увертюра Настоящий Северный полюс

В то мгновение, когда «Мир-2» коснулся опорными лыжами илистого дна Северного Ледовитого океана, почувствовался легкий отскок назад. Внутри маленького глубоководного обитаемого аппарата (ГОО) царил звенящий холод. Фредерик Паулсен почувствовал непреодолимое волнение. Все, что заставляло его трепетать, в этот миг концентрировалось в финансируемом им путешествии: наука, холод Арктики, жажда открытий... Впервые в этот день человек увидит «настоящий» Северный полюс, точку, в которой ось вращения Земли выходит из земной коры.

Дно океана представляло собой слой тонких осадков, желтой мутью вздымающихся вслед за винтом батискафа. В свете прожекторов, словно призрак, мимо проплыла полупрозрачная рыба. Прижавшись носом к маленькому иллюминатору, Фредерик Паулсен увидел скелет животного в центре совершенно прозрачного тела.

«Приехали», – сказал Майк Макдауэлл, один из организаторов этой научной экспедиции. Командир Евгений Черняев схватил микрофон и доложил команде на поверхности: «Это

«Мир-2». Мы на глубине 4302 метра». Трое мужчин пожали друг другу руки. Их жесты немного скованны: в сфере диаметром 2,10 метра, на которую давит 400 атмосфер воды температурой -1°C , не развернешься. В термозащитном комбинезоне не потанцуешь от радости на дне сумрачной океанской впадины на глубине 4 километров под многолетним льдом.

Два луча света от ГОА – эфемерный след человека – пронизывали этот мир слепых. Сейчас 14 часов, 2 августа 2007 года. Человек коснулся Северного полюса на дне Северного Ледовитого океана. Поскольку земной шар сжат у полюсов, человек никогда еще не приближался так близко к центру Земли, даже на самых больших глубинах Марианской впадины.

Дрожь проходит. Стоит прогуляться. В течение полутора часов «Мир-2» исследует дно океана на полюсе. Трое мужчин внимательно вглядываются в черную воду. При помощи манипулятора, установленного впереди аппарата, командир берет пробы грунта и пытается поймать представителей глубоководной фауны, обитателей полюса.

Фредерик Паулсен в Гоа «Мир-2» во время погружения к Северному полюсу.

Следы батискафа на илистом дне настоящего Северного полюса, на глубине 4302 метра.

Долгое время развитие технологий было единственным ключом к исследованию Северного полюса. Если согласиться с мнением большинства специалистов, что Роберт Пири обманул весь мир, заявив о достижении Северного полюса в 1909 году, то получится, что в первый раз человек добрался до этого места благодаря дирижаблю «Норвегия», пролетевшему над ним 13 мая 1926 года.¹ Первыми, кто совершенно неопровержимо ступил на льды Северного полюса, стали советские граждане – члены высокоширотной воздушной экспедиции «Север-2» под руководством Александра Кузнецова, прибывшие на трех самолетах 23 апреля 1948 года. Американская атомная подводная лодка «Наутилус» прошла над полюсом 10 лет спустя, потом подводная лодка «Скат» вышла на поверхность, разломав толщу молодого льда.² Без помощи техники Северный полюс удалось достичь лишь 5 апреля 1969 года. Именно тогда Уолли Герберт и его товарищи направили к нему собачьи упряжки... всего за три месяца до того, как «Аполлон-11» высадил Армстронга и Олдрина на Луну!

Таким образом, история покорения Северного полюса написана внушительной династией механических аппаратов, а ее последние отпрыски – это два близнеца в форме яйца, две подводные лодки-малютки, рожденные накануне распада Советского Союза, – «Мир-1» и «Мир-2». Они появились на свет благодаря целеустремленности инженера, обожавшего Жюль Верна и мечтавшего в бытность студентом встретить капитана Кусто на подводной лодке. Имя этого инженера Анатолий Михайлович Сагалеви́ч.³

---

¹ Подробнее о «визитах» к Северному полюсу, мнимых и подтвержденных, см. главу 2.

² Примечание переводчика: советская атомная подводная лодка «Ленинский комсомол» в 1962 году также вышла на поверхность на Северном полюсе и водрузила флаг СССР. В августе 1977 года атомный ледокол «Арктика» дошел до Северного полюса.

³ А. М. Сагалеви́ч (род. 5 сентября 1938 года) – российский учёный, исследователь Мирового океана с применением глубоководных обитаемых аппаратов, профессор, Герой России.

Анатолий Сагалевич, создатель российского батискафа, пилот «Мира-1», во время погружения к Северному полюсу.

Сагалевич увлекся исследованием океанических глубин в раннем детстве, проведенном в Москве. Со своими единомышленниками по ту сторону железного занавеса он познакомился в начале 1970-х. В самый разгар холодной войны, когда страна восторгалась атомными подводными лодками, он придумывает современный батискаф для научных целей. Два первых аппарата, «Рыбы», оказываются способными погружаться на глубину до 2000 метров и достигают дна озера Байкал. Но Сагалевич хочет идти дальше, глубже. В 1983 году он встречается в Женеве Жака Пикара, сына изобретателя батискафа и создателя самолета на солнечных батареях, одного из двух первых людей, достигших дна Марианской впадины (глубина 10919 метров). Пикар приглашает Сагалевича на борт своей подводной лодки-малютки «Форель» во время погружения на Женевском озере. Сотрудничество намечается, но не складывается – под давлением Пентагона, считает Сагалевич.

«Мир-1» и «Мир-2» увидят свет четыре года спустя на судостроительной верфи в Финляндии. Их длина – 7,8 метра, вес – 18,6 тонны, они могут погружаться на глубину 6000 метров. Благодаря мощным аккумуляторам аппараты способны работать в автономном режиме в течение 20 часов в погруженном состоянии, что очень много для аппаратов подобного типа. Кабина – сфера, защищенная 5-сантиметровой маргаеновой сталью, – может вместить до трех человек. Даже принадлежащий администрации США сайт Ocean Explorer описывает «Миры» как «восхитительные» аппараты.

Задуманный в слабеющем СССР, «Мир» совершил погружение к обломкам «Титаника» и был встречен овациями в Голливуде.

Известность «Мирам» и их изобретателю принес «Титаник». С 1991 года Анатолий Сагалевич неоднократно погружался на «Мир-1» к пассажирскому судну, нашедшему пристанище на глубине 3800 метров в северной части Атлантического океана. Когда через четыре года Джеймс Кэмерон приступает к подготовке съемок своего фильма с очень большим бюджетом, он обращается к русскому ученому, способному претворить его мечту в реальность. Двенадцать раз Сагалевич посещает останки «Титаника» вместе с Кэмероном. Режиссер рассказал о томительных погружениях: «Представьте двух русских ученых и одного голливудского кинематографиста, которые втиснуты в пространство меньшее, чем клоунский автомобиль. Свободное падение в течение часов через 4000 метров мрака и громадину океана, сжимающего сферу ледящего металла».

Кадры, снятые на борту ГОА, стали началом фильма, завоевавшего мировую славу. Джеймс Кэмерон гордился тем, что Анатолий Сагалевич в них сыграл самого себя.

Именно в тот 1997 год, когда «Титаник» с триумфом идет в кинотеатрах по всему миру, зарождается идея погрузиться к «настоящему» Северному полюсу. Австралиец Майк Макдауэлл, один из первых организаторов туристических путешествий к двум полюсам, находится на борту российского ледокола, который доставляет американских туристов к Северному полюсу. В кают-компании Фред Макларен, бывший капитан атомной подводной лодки и президент Клуба исследователей (Explorers Club), обращается к Дону Уолшу, человеку, достигшему самой большой глубины в мире (он был с Жаком Пикаром во время погружения к Марианской впадине): «Никто никогда на самом деле еще не был на Северном полюсе!» И уточняет: «Настоящий Северный полюс – это точка, в которой ось вращения Земли пересекает земную кору. Он на дне Северного Ледовитого океана, в 4 километрах подо льдами». Майк Макдауэлл любит вызовы. Этот не давал ему покоя десять лет.

Технические и финансовые трудности проекта сначала кажутся непреодолимыми. Никакой глубоководный аппарат никогда не опускался под многолетний лед. Северный Ледовитый океан не зря носит своё имя: температура воды часто опускается ниже нуля, и лед образуется только из-за присутствия солей, понижающих температуру замерзания до $-1,9^{\circ}\text{C}$.

Но самая большая трудность – это наличие многолетнего льда. Погружения на большую глубину – мероприятие рискованное. В случае аварии нужно совершить немедленный подъем. В поверхности льда, толщина которого достигает нескольких метров, можно сделать лишь крошечную прорубь на входе. Но лед дрейфует по воле ветра и течений, которые отличаются от глубинных. Следовательно, аппарату понадобится мощный «командно-диспетчерский пункт» на поверхности, чтобы вернуться назад.

Сразу стало понятно, что только два «Миры» при мощной материально-технической поддержке способны справиться с этой задачей. Погружаясь вместе, они бы также смогли прийти друг другу на помощь в случае аварии. Майк Макдауэлл связывается с Анатолием Сагалевичем, который занимается подготовкой аппаратов. Все системы жизнеобеспечения будут продублированы. Добавят гидролокатор для льда и незамерзающую примесь в балласт. Но есть проблема с транспортировкой: у «Академика Мстислава Келдыша», судна, которое ожидало «Миры» над затонувшим «Титаником» во время съёмок фильма⁴, недостаточно прочный корпус, чтобы противостоять многолетним льдам. А ледоколы, способные достичь Северного полюса, не располагают настолько мощными кранами, чтобы спустить на воду маленькие подводные лодки. Таким образом, атомный ледокол может только открыть путь второму судну, которое перевезет в своем трюме «Миры» и спустит их на воду на полюсе.

Необходимы средства. Макдауэлл собирает их за счет взносов состоятельных туристов. Экспедиция на Северном полюсе должна продлиться пять дней, и для успеха предприятия нужно будет осуществить несколько погружений. Летом 2001 года казалось, что трудности уже практически преодолены, но из-за теракта 11 сентября проект пришлось закрыть.

Сразу после первой неудачи Майк Макдауэлл при необычных обстоятельствах знакомится с Фредериком Паулсеном на Южном полюсе. Миллиардер, которому нравится исследовать самые негостеприимные уголки земного шара, и первопроходец, посвятивший себя тому, чтобы доставлять туда туристов, становятся друзьями.

Фредерик Паулсен с 1982 года возглавляет фармацевтическую лабораторию «Ферринг», основанную его отцом. В течение четверти века он руководил ведущим в сфере лечения бесплодия предприятием, создав международный холдинг с 5000 работниками и представительствами на всех континентах. Не переуступив ни малейшей доли активов сторонним инвесторам, Фредерик Паулсен увеличил доходы компании «Ферринг» в 100 раз.

Наконец, после многих лет упорного и всепоглощающего труда на благо предприятия, у Паулсена появляется больше свободного времени и большие финансовые возможности. Север привлекал его с детства. Кажется, что он даже сложен по меркам этих холодных пространств. Спокойный немногословный мужчина высокого роста. Только глаза, сверкающие за маленькими очками, выдают кипучий темперамент, этот спящий подо льдом вулкан.

Чтобы собрать необходимые два миллиона долларов – таков бюджет экспедиции, – Макдауэлл обращается к предпринимателю. Фредерик Паулсен, не раздумывая, соглашается взять на себя больше половины расходов в обмен на место на борту одного из «Миров». «Когда я согласился, проект был похож на пазл, – рассказывает Фредерик Паулсен. – Благодаря моим связям мы смогли сложить все кусочки этой мозаики». Итак, проект погружения к настоящему Северному полюсу снова запущен.

Фредерик Паулсен уже достигал Северного полюса. Тогда он прошел последние сотни метров пешком по многолетним льдам и испытал головокружение, оказавшись на движущемся

---

⁴ Последняя сцена из «Титаника» снята на палубе «Академика Мстислава Келдыша».

льду в точке, где существует направление только на юг. После этого первого путешествия бизнесмен вошел во вкус экспедиций к полюсам. У проекта погружения на дно Северного Ледовитого океана есть все, чтобы увлечь. Фредерик Паулсен видит в нем возможность утолить жажду знаний, унаследованную от родителей, научные открытия которых стали залогом успеха «Ферринг».

«Академик Федоров», транспортирующий в трюме оба «Мира». Вертолет МИ-8, совершающий челночный рейс с атомного ледокола «Россия», который прорубает дорогу к полюсу (следующий разворот).

Погружаясь под многолетний лед, туда, где уже с двадцати метров глубины царствует ночь, Фредерик Паулсен ожидает большего, чем от обычного путешествия с приключениями. Это будет па-де-де с подругой его жизни – наукой; встреча после временной разлуки с госпожой одержимостью, которая руководит им с детства и приводит после 60 лет к защите диссертации. Возможность на мгновения взять в свои руки факел знания и направить его в океанические глубины, которые никогда не видели света.

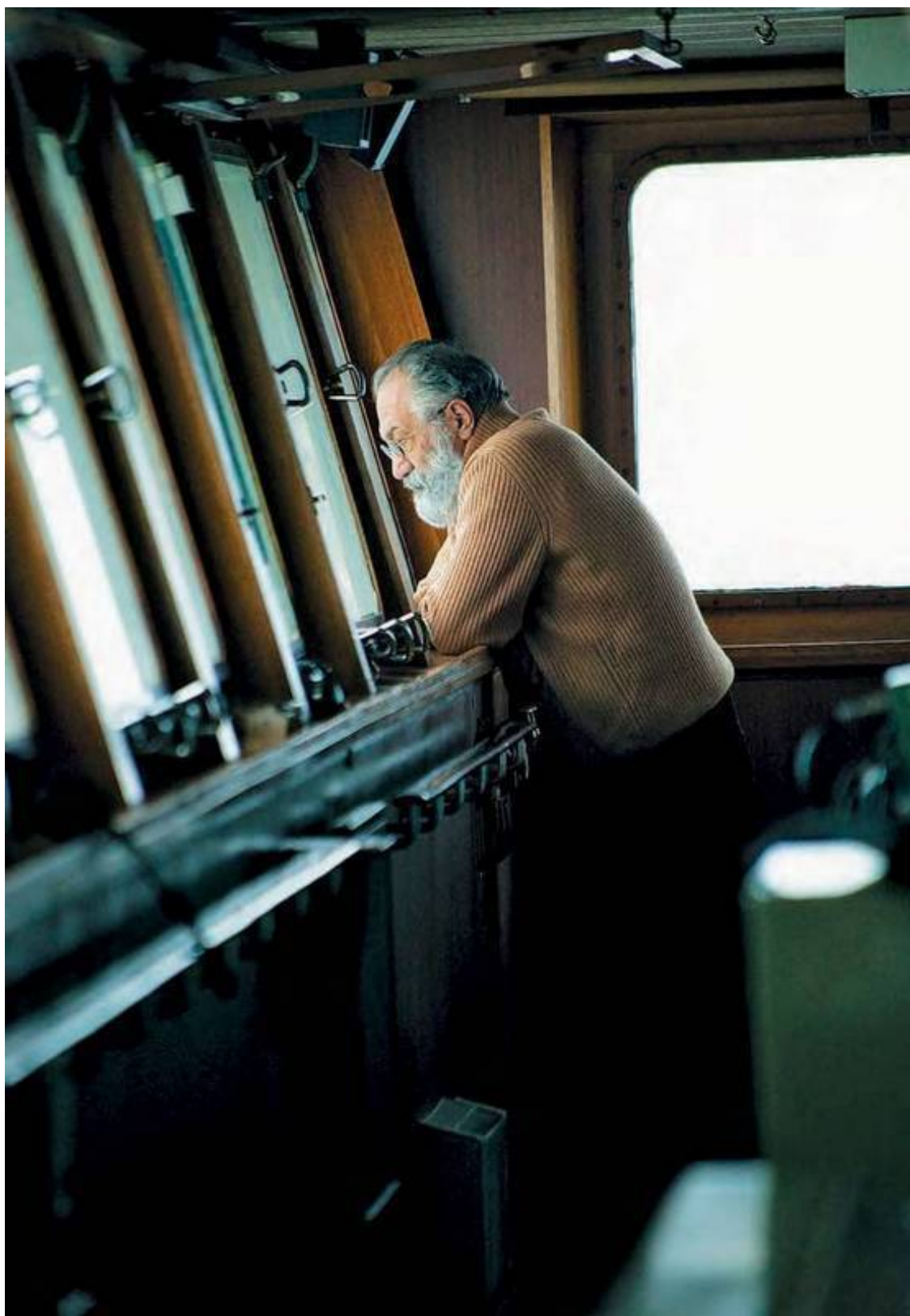

Весной 2005 года, когда технические препятствия были устранены, Майк Макдауэлл готовит экспедицию на лето. Но вскоре все снова стопорится. Российские власти медлят с предоставлением ледокола.

«Финансирование – несложная задача в организации экспедиции, – говорит Фредерик Паулсен. – Получить все разрешения, вот это совсем другое дело! И тут на сцену вышел мой друг Чилингаров». Артур Чилингаров – человек, без которого в русской Арктике ничего не делается. Он депутат, заместитель председателя Государственной думы. Владимир Путин, с которым Чилингаров близко знаком, назначил его ответственным за все российские полярные программы. «Я его попросил принять участие в экспедиции, он согласился, – рассказывает Паулсен. – С его поддержкой мы получили все необходимые разрешения». Чилингаров будет на борту одного из двух батискафов с российским спонсором экспедиции, депутатом и предпринимателем Владимиром Груздевым.

В начале лета 2007 года, после десяти лет мытарств, экспедиция готова покинуть порт Мурманск, базу северного российского флота.

25 июля 2007 года «Академик Федоров», научно-исследовательское судно ледового класса, направилось к полюсу с двумя «Мирами», валетом уложенными в трюм. Вертолет Ми-8 осуществляет связь с «Россией», ледоколом с атомной тягой в 75000 лошадиных сил, отправившимся к границе многолетних льдов. На борту судна – многочисленные российские журналисты, фотографы и операторы.

Артур Чилингаров. Ключевая фигура русской Арктики и соратник Фредерика Паулсена в полярных экспедициях.

В течение недели «Академик Федоров» пробирается по узкому проходу, вскрытому «Россией», ориентируясь на ее ярко-оранжевую надстройку. Толщина льда местами достигает 2,5 метра.

Наконец в первые часы 2 августа Северный полюс достигнут. «Россия» делает полыню, и «Академик Федоров» проникает сюда, оставляя за левым бортом свободное ото льда пространство шириной 25 метров и длиной с судно – пространство, в которое с помощью крана можно опустить два аппарата. Погода благоприятствует. Анатолий Сагалевич, лично управляющий «Миром-1», собирает четырех «пассажиров» и проводит инструктаж: как будет проходить погружение, какова роль каждого на борту, каковы правила техники безопасности. Ему кажется, что он видит в их глазах лёгкий страх. «Я попытался их успокоить. У меня у самого есть сомнения и страхи, но я не должен их показывать. К счастью, как только погружение начинается, страх исчезает...»

2 августа, Северный полюс. Аппараты «Мир-1» и «Мир-2» готовятся к погружению на дно Северного Ледовитого океана.

До погружения в «Мир-2» ударила большая глыба льда. Катастрофы удалось избежать в последний момент.

Подводники занимают свои места в аппаратах: Чилингаров и Груздев на борту «Мир-1» под командованием Сагалевича; Паулсен и Макдауэлл в «Мир-2» под командованием Черняева. Фредерик Паулсен сам предложил Артуру Чилингарову быть первым: «Я сказал ему, что будет хорошо для России, если он спустится первым. Он спросил меня, действительно ли я в этом уверен». «Мир-1» спущен на воду первым в 9 часов 20 минут. Батискаф быстро исчезает на глазах небольшой толпы, собравшейся на палубе.

Через четверть часа настает очередь «Мир-2». В тот момент, когда он должен был погружаться, часть ледового массива, перемещенная движением форштевня «Академика Федорова», только что отколовшего ее своим носом, попадает прямо на хрупкую аппаратуру рычагов и камер, которые делают батискаф похожим на робота. Мгновение испуга, но удача не отвернулась: никакого вреда аппарату нет, и «Мир-2» также погружается под лед и исчезает. В лаборатории на корме «Академика Федорова», превращенной в контрольный пункт, инженеры поддерживают слабую связь с исследователями.

К Северному полюсу «Миры» транспортировало научно-исследовательское судно «Академик Федоров», но путь пробивал атомный ледокол «Россия».

Специальное устройство оборудовано вокруг судна, чтобы служить нитью Ариадны двум управляемым аппаратам для подводных исследований. Инженеры группы «Мир», доставленные вертолетами в три пункта на многолетнем льду на расстояние 800 метров от «Академика Федорова», пробурили лед и спустили в воду три радиолокатора, подвешенных на 50-метровых пеньковых тросах. Этот треугольник, центром которого стало судно, должен позволить батискафам рассчитать местонахождение во время погружения. Четвертый радиолокатор установлен на судне, так же как и три мощных прожектора, которые послужат визуальными реперами для места выхода на поверхность.

До глубины 2500 метров система работает. «Миры» могут рассчитать свое местонахождение: они прошли примерно 500 метров. Но при продолжении погружения с равномерной скоростью 30 метров в минуту вышележащие слои воды различной плотности образуют ревербирующее эхо, и сигнал становится неслышимым. На дне Северного Ледовитого океана капитаны двух аппаратов могут рассчитывать только на себя. Теперь голос – это единственная связь с поверхностью. Прожекторы выключены, чтобы сэкономить заряд аккумуляторов. Каждый со своей стороны, «Мир-1» и «Мир-2» тихо погружаются во мрак.

Майк Макдауэлл, задумавший эту экспедицию, и Фредерик Паулсен, ее профинансировавший, садятся в «Мир-2» следом за пилотом Евгением Черняевым (слева).

По истечении третьего часа Анатолий Сагалевич сбрасывает балласт, чтобы затормозить спуск при приближении ко дну. В 13 часов 11 минут 2 августа 2007 года «Мир-1» первым мягко дотронулся до дна океана. Приборы показывают 4261 метр. Чилингаров, Груздев и Сагалевич прокричали звучное троекратное «Ура!». Четырьмя километрами выше, в пункте управления, инженеры отвечают далеким эхом. С помощью манипулятора аппарата Сагалевич собирает отложения, воду, морских звезд. Затем камера снимает кадры, которые вскоре облетят весь мир: манипулятор аккуратно устанавливает небольшой титановый российский флаг, древко которого под углом углубляется в слой осадков, – белый, голубой, красный, цвета России, нанесенные акриловой краской, «реют» над Северным полюсом. Проведя более часа на дне, «Мир-1» начинает подъем, оставляя на дне Северного Ледовитого океана недолговечный след от двух опорных лыж. И флаг, который однажды перекроют отложения.

Артур Чилингаров, вице-президент Думы, докладывает вверх о том, что русские «Миры»покорили настоящий Северный полюс.

Анатолий Сагалеви́ч (в центре) и Владимир Груздев смущены пафосом момента.

Когда «Мир-1» поднялся примерно к 1400 метрам глубины, инженерам на «Академике Федорове» удалось установить связь с международной космической станцией, которая проходит по орбите где-то на высоте 350 км над Землей. Два российских космонавта, Федор Юрчихин и Олег Котов, одними из первых поздравляют своих соотечественников. Но предстоит еще и выход из-под льда, требующий осторожности. Установленная на батискафе камера направлена вверх, чтобы определить местоположение полыньи. Груздев думает, что видит ее на контрольном экране. Но он ошибается, и «Мир-1» ударяется о ледяной потолок. Вдруг Сагалеви́ч видит прямо перед собой огромный винт и уклоняется от него в последний момент. Он срывается еще двадцать минут, чтобы не попасть в завихрения, образуемые винтом судна, и наконец всплывает. Слышен голос инженера, командующий сбросить балласт. «Мир-1» поднят на борт. Люк открывается. Первым выходит Чилингаров. В знак победы он высоко над собой раз-

махивает российским флагом. Но где «Мир-2»? Никто на борту «Академика Федорова» этого не знает, тревога нарастает.

«Мир-2» достиг дна через пятьдесят минут после своего брата-близнеца. Первое мгновение взволнованности прошло, и Фредерик Паулсен созерцает пейзаж через маленький иллюминатор: перед ним равнина, покрытая настолько тонкими отложениями, что малейшее движение аппарата поднимает долго рассеивающееся облако. Ландшафт однообразный, без выходов скальных пород и без останков, хотя много мусора. Командир Евгений Черняев пытается разложить вершу, чтобы поймать актинии неизвестных видов и рыб без глаз и пигментации. Но прибор не работает. Взяты только пробы воды и отложений. Майк Макдауэлл устанавливает табличку, на которой он выгравировал имена своих детей, а также «Мир-2» и дату: 2 августа 2007 года. По возвращении в Австралию таможенники конфискуют у него мешок, полный ила с Северного полюса, чтобы удостовериться, что в нем не содержатся никакие опасные для местной флоры и фауны организмы.

В точке настоящего Северного полюса установлен титановый флаг России. Об этом факте западные политики потом говорили, как о ничего не значащем – но говорили почему-то очень эмоционально.

По истечении полутора часов принято решение подниматься. Прожекторы снова выключены, чтобы сохранить заряд аккумуляторов. Это самый сложный этап экспедиции. Представьте себя где-то далеко, в центре темной долины безлунной ночью. Единственная звезда светит на небесном своде: это крошечная полынья четырем километрами выше. По плану волны, испускаемые несколькими радиолокаторами, должны помочь пилоту сориентироваться, как киту по пению своих сородичей. Но в наушниках только удаленное потрескивание, создаваемое помехами шумового фона двигателей судна. Евгений Черняев надеется поймать чистый сигнал, приближаясь к поверхности, но даже на 1000 метрах так ничего и нет. «Мир-2» потерялся во мраке. Как позже выяснилось, два из четырех локаторов вышли из строя и не посылали сигнала.

Рассказывая об этом моменте, Фредерик Паулсен берет фломастер, чтобы нарисовать в центре огромного листа крошечный батискаф, затерянный в Северном Ледовитом океане: «Наверху многолетний лед, – объясняет он, – тысячи квадратных километров льда во всех направлениях. Вот здесь полынья – рядом с судном, которое больше не отвечает. Кислорода хватит на три или четыре дня, но если не найти полынью, то это не спасет. Известно, что чем больше времени проходит, тем труднее положение. Мы дрейфуем в одном направлении, лед в другом. С каждой проходящей минутой вероятность найти сигнал от локаторов уменьшается. За пределами аппарата темнота. Мы полностью потеряны, без связи. Слышны только отдельные шумы».

Тревожный момент: пилот Евгений Черняев безуспешно пытается восстановить связь с поверхностью. Несколько десятков минут «Мир-2» провел в темноте, в ловушке под припаем.

В темноте реперы теряются очень быстро. Нужно думать, не паниковать. На 600 метрах Евгений Черняев останавливает двигатели. Наступает тишина, он прислушивается. Сигнал оставшихся двух локаторов очень слабый. Даже радиосвязь с судном потеряна. Следует определить возможное отклонение в пути аппарата, его скорость подъема, чтобы найти местоположение полыньи.

«Черняев не находил пути, чтобы доставить нас на поверхность, – вспоминает Майк Макдауэлл. – Я видел, насколько он был сосредоточен. И мы тоже были напряжены. Мы начали подшучивать по поводу нашего возможного исчезновения...»

Фредерик Паулсен рассказал, что в течение восьми или девяти часов погружения ему нужно было постоянно хорошо осознавать происходящее, оставаться сконцентрированным на инструкциях техники безопасности и выполнять их. В тот момент, когда Черняев остановил двигатели, напряжение на борту «Мир-2» достигло предела. Чтобы рассказать об этом, Фредерик Паулсен изображает внутреннее напряжение командира, которое отразилось на его замкнутом и дрожащем лице: «Он так сжался, сконцентрировался. Нужно сделать все возможное, чтобы попытаться поймать сигнал. Ученые рассчитали, что наши шансы выбраться оттуда были примерно 50 на 50!» Вероятно, самым странным в этот напряженный момент было спокойствие Фредерика Паулсена: «Рассказали несколько анекдотов, и я заснул, думаю, на полчаса. Больше делать было нечего...»

Евгений Черняев запускает двигатели: он поймал несколько сигналов. Нашупывает их опять, поднимается зигзагом. Наконец, вспышка прожекторов «Академика Федорова» появляется на контрольном экране глубоководного аппарата. Перед тем как всплыть, «Мир-2» слегка касается корпуса судна.

Фредерик Паулсен вышел первым. Он замахал фуражкой, испуская рев победы и облегчения. Он ни о чем не сожалеет. «Этот стресс, – говорит предприниматель, – плата за возбуждение от личного участия в приключении, в великой научной экспедиции. Посмотреть видео два месяца спустя, сидя в кресле, это совсем не то, что мне хотелось. Я должен быть в гуще событий!»

2 августа 2007 года стало поворотным моментом в современной истории Арктики. Ледяной массив этим летом значительно сократился. Впервые для научного сообщества стало очевидным, что полное исчезновение льда летом неотвратимо и срок исчисляется не веками или десятилетиями, а, вероятно, годами. Как известно, Северный Ледовитый океан содержит значительную долю мировых запасов углеводородов, а таяние льдов ускорит разработку месторождений, поэтому понятны взволнованные недружелюбные отклики на «завоевательный» жест Артура Чилингарова, этот нержавеющий российский флаг на дне океана посреди международных вод...

Министр иностранных дел Канады среагировал в тот же день: «Мы уже не в XV веке. Сейчас нельзя объехать свет, установить там свой флаг и захватить территорию». Его российский коллега Сергей Лавров прекрасно парировал, что Россия не собиралась захватывать Северный полюс, маленький титановый флаг оставлен как символ российских стремлений. Но Артур Чилингаров не считает нужным разряжать обстановку. «Арктика всегда была российской, и она будет российской, – сказал он. – Россия всегда расширялась к северу и к Арктике. Мы счастливы, что на дне океана, там, куда не ступала нога человека, был установлен российский флаг. И мне наплевать, что по этому поводу говорят какие-то там зарубежные деятели».

Фредерик Паулсен, человек, без которого, несомненно, эта экспедиция не состоялась бы, в рамках этой полемики хладнокровно замечает: «Американцы установили свой флаг на Луне. Я не думаю, что они настаивают на том, что Луна принадлежит им. Я не думаю, что можно найти хотя бы одно российское официальное заявление, подтверждающее, что целью этой экспедиции было отстаивание своего права на территорию Северного полюса».

Как всегда, Фредерик Паулсен ищет ответ в науке. За четыре месяца до погружения к полюсу он отправился в экспедицию на «Таре», шхуне, которая собиралась повторить трансполярное путешествие Нансена. Предприниматель участвовал в финансировании европейской исследовательской программы, названной *Damocles*. «Говорящее название», – улыбается он. Для него Северный Ледовитый океан – это мир, который нужно изучать и защищать, а не завоевывать.

В своих экспедициях Фредерик Паулсен вовсе не склонен к донкихотству – ему больше свойственна британская сдержанность. Именно она объясняет, почему его старший сын Жан-Фредерик, которому тогда был 21 год, только после погружения к Северному полюсу начал осознавать происходящее. «Перед экспедициями отец на всякий случай знакомил нас с определенными людьми, – рассказывает он. – Вообще-то я не сильно беспокоился, что отец кочует по труднодоступным местам, но эта история заставила меня задуматься. Я не отдавал себе отчета в той опасности, которая грозила ему лично, поскольку он всегда нам демонстрировал уверенность и спокойствие. Когда отец рассказал о вышедших из строя локаторах и радио, ледовой полынье, которую они не могли найти... я понял, что могло произойти. Я вдруг снова подумал о людях, с которыми нас знакомил отец, и мне все стало понятно. Он сделал все, чтобы в случае чего мы ни в чем не нуждались».

Поль-Николя, младший сын, добавляет: «На этот раз я действительно понял, что мой отец не боялся ни боли, ни смерти. Это произвело на меня сильнейшее впечатление. Можно подумать, что он просто один из везунчиков, но он, со своей стороны, умеет делать все возможное, чтобы крепко держать удачу за хвост».

Счастье и облегчение: Фредерик Паулсен глубоко дышит после восьми часов, проведенных в недрах «Мира-2».

2 августа 2007 года Анатолий Сагалевич осуществил самое рискованное погружение в своей жизни. Более опасное, чем многочисленные посещения затонувшего «Титаника» с Джеймсом Кэмероном, более опасное, чем изучение затонувшей в Баренцевом море после взрыва торпеды подводной лодки «Курск», которое он делал по заданию российского правительства. Вечером этого исторического дня, хотя солнце и отказывалось садиться над Северным полюсом, он взял свою расстроенную гитару и запел для своих спутников с «Академика Федорова». Для него, как и для Фредерика Паулсена, арктические исследования – это наука, труд, романтика и дружба.

Фёр – один из Фризских островов, залитый волшебным светом.

Глава 1

На север

На самом севере Германии, там, где Дания цепляется за Европу, полоса дюн защищает маленький архипелаг. Это Фризские острова, насквозь продуваемые штормами Северного моря. Каналы говорят о том, что земля отвоевана у болота, и все, что возвышается над плоским рельефом, – соломенные крыши домов и курганы бронзового века.

В центре архипелага находится круглый, как мир, остров Фёр, родина семьи Паулсен. Иногда зимой, когда снег покрывает песчаные равнины при отливах, острова на горизонте напоминают корабли в ледяном плену. Север начинается в Фёр.

Фёр, как и его окрестности, населен фризями, упрямым народом, отличающимся само-бытностью и языком, который называется ферринг⁵. В поисках удачи в открытом море многие из них исчезли навсегда – это был «остров вдов и сирот». На плафоне одной из трех церквей острова макет корабля, подаренный как приношение по обету. Матфей Счастливый,

---

⁵ Прим. переводчика: ферринг – диалект северофризского языка.

капитан судна, родом из Фёра, завещал два огромных подсвечника церковному приходу. Фредерик Паулсен любит подводить своих друзей к серой стеле, рассказывающей о его «*incredibilis successu*»⁶: Матфей Счастливый к моменту своей смерти, в 1706 году, добыл в водах Гренландии 373 кита.

Остров Фёр в Северном море, колыбель семьи Паулсен. Веками его населяют китобои – и рассказывают тут о своих арктических эпопеях.

Необычная жизнь Фридриха Паулсена, отца Фредерика⁷, началась здесь в 1909 году. Его мать, одетая словно принцесса, носит традиционные чепец и колье, его отец – чиновник Рейха. Чтобы дать шестерым детям высшее образование, семья Паулсен переезжает на материк: в Киль, крупный немецкий порт на Балтийском море, расположенный с другой стороны полуострова Ютландия. Здесь Фридрих растет, очень быстро обнаруживает страсть к театру, философии и литературе – фотографии запечатлели его с книгой в руках во всех возрастах. Еще одним увлечением становится кинематограф. Лицеистом он пишет критические статьи для газеты в обмен на бесплатные места в кинотеатре. Фридрих преподает латынь и учит русский. Юноша поражает пастора и преподавателей независимостью своего мышления.

---

⁶ Прим. переводчика: «невероятных успехах».

⁷ Фридрих Паулсен изменил свое имя на Фредерик, когда стал гражданином Швеции, в 1942 году. Именно это имя он по традиции дал своему младшему сыну, рожденному в 1950 году. При необходимости мы будем уточнять: Фредерик Паулсен-старший и Фредерик Паулсен-младший.

Кейк Арфстен и Отто Паулсен, бабушка и дедушка Фредерика Паулсена, оба – из старинных родов острова Фёр.

Тем временем началась Смута. Прямо перед перемирием 1918 года, именно в Киле, вспыхнул бунт немецких матросов. В 20-х годах двадцатого столетия плодятся группки, лиги и экстремистские партии. Вовлеченный в этот поток, юный Фридрих в 15 лет бросается в объятия Народной германской партии, но поворачивается к ней спиной, когда та попадает под влияние только что вышедшего из тюрьмы активиста Адольфа Гитлера. Отныне Фридрих Паулсен сочувствует социалистам.

Он успешно выдерживает экзаменационные испытания, получая степень, эквивалентную нынешней степени бакалавра, и после долгих разговоров с отцом выбирает для дальнейшего образования медицину. Что движет им? Желание развернуться? Предчувствие темных лет в Германии? Как бы то ни было, он хочет получить специальность, которой можно заниматься в

любой стране. Из Килья обучение приводит его во Франкфурт, где он открывает для себя эндокринологию, в Грац в Австрии, затем снова в Киль. В 1933 году, во время прихода к власти Гитлера, молодой человек, как социал-демократ, противостоит первым проявлениям террора нацистов. По словам самого Фридриха Паулсена, его поведение соотносится с фризской самобытностью – быть в оппозиции доминирующему мышлению своего времени. В то время как Фридрих Паулсен заканчивает подготовку диссертации в Киле, он публикует трактат, изобличающий убийство адвоката-социалиста, отца товарища по лицу. Его арестовывает гестапо. В тюрьме молодой человек бросился на двух тюремщиков, которые его избивали: «Я фриз. Фризов безнаказанно не бьют». В конце жизни Фридрих Паулсен рассказывал эту историю, заверяя, что эти два человека были столь удивлены, что перестали его бить.

В тюрьме в течение полутора лет он обнаруживает еще одно достоинство родного языка – ферринга. На этом диалекте, который никто не понимал, он может свободно общаться с товарищем по камере, попавшим сюда с соседнего острова: «Мы воздвигли стену вокруг себя – это был наш мир». До него доходят тревожные слухи. Нацистская власть арестовывает политических оппозиционеров на выходе из тюрьмы, чтобы отправить их в Дахау, первый концентрационный лагерь. В день освобождения на помощь ему приходит семья: «Гестапо поджидало меня у главного входа. Мои родители договорились с тюремным священником, который вывел меня через часовню».

Документы и билет на поезд у него в кармане, молодой человек обнимает родных и без промедления прыгает в первый же поезд, отбывающий в Швейцарию. Фридрих Паулсен получает диплом медицины в Базеле, посещает другие города Европы: Париж, Лондон, Копенгаген. В тюрьме он размышлял о своём будущем, и в этих мыслях видел себя в Швеции, работающим на благо общества. Так что путь изгнанника ведет на север. 31 июля 1935 года, в день своего 26-летия, Фридрих Паулсен садится на паром до Мальмё. «Весь путь я провел на носу, – расскажет он позднее. – Сидя на якоре, я смотрел, как медленно приближается шведский берег, и в первый раз после выхода из тюрьмы я был совершенно счастлив. Я знал, что эта новая жизнь принесет мне удачу».

Фредерик Паулсен-старший обучается медицине в Германии. Через год, в 1934 нацисты заключают его в тюрьму, выйдя из которой, он бежит в Швецию.

Фраза, услышанная на острове Фёр, вероятно, сыграла свою роль в том, что молодой медик оказался на севере. «Hi wiar so arig, dat ham a braanjknop baast...» Эта присказка на ферринге перекликается с будущим Фридриха Паулсена. Так говаривали островитяне-кито-бои: «У него аж гипофиз лопнул, вот до чего он был зол на нас». «Hi wiar so arig...» О чем тут речь? Дело в том, что, разделывая туши, моряки замечали, что некоторые железы китообразных разрушены. Фридрих Паулсен специализировался в области эндокринологии. Он мог понять глубокий смысл этого выражения. Гормоны – это вестники состояния организма, химические субстанции, которые должны передавать информацию от мозга к различным органам. Гипофиз – железа, расположенная в основании мозга у всех позвоночных, среди прочих производит гормон стресса; он настолько напряжен во время последней схватки, когда кит погибает от рук охотников, что действительно может лопнуть.

Во время обучения в Германии Фридрих Паулсен заметил, что исследования фокусируются на стероидах, половых гормонах. Как всегда, находясь в противотоке, он выбирает исследование пептидных гормонов: гормонов мозга, синтез и секреция которых контролируются гипоталамусом.

Фридрих Паулсен выучил шведский с удивительной быстротой. Через год после приезда в Швецию он публикует первую статью на шведском, посвященную исследованиям гормонов. В 1939 году он женится на шведке Маргарете Лилжекист в Стокгольме. В 1942 году получает шведское гражданство и идет на военную службу как врач. Фридриху понадобилось семь лет, чтобы стать Фредериком. Очень быстро ему стали поступать предложения работать в крупных лабораториях. Молодой ученый отказывается от предложения немецкой Hoechst (мосты в Германию сожжены) и говорит «да» голландской Organon, которая поручает ему открыть исследовательскую лабораторию по пептидным гормонам в Швеции. Работая в одном подвале с юным датским биологом Евой Франдсен, он разрабатывает метод извлечения, очищения и производства адренокортикотропина (АКТГ), гормона стресса. Фредерик Паулсен и Ева Франдсен единственные в мире, кто умеет это делать. Рынок сбыта этого продукта на тот момент почти не существует. Но все меняется в 1948 году, когда два американских исследователя обнаруживают, что АКТГ обладает ярким терапевтическим действием: он дает превосходный результат при лечении астмы и полиартрита.

Фредерик, младший ребенок в семье, со своим братом и четырьмя сестрами. После развода родителей его, единственного из детей, воспитала Ева, новая жена отца.

Первый сын супругов Паулсен, Отто, появился на свет в 1940 году, за ним – четыре девочки. Последний ребенок, Фредерик, родился в 1950-м, в год, когда отец создал на свои собственные средства лабораторию, которая вскоре невероятно разрастется. Тогда молодому медику не удалось привлечь ни одного крупного партнера. Итак, в основном за счет собственных средств Фредерик Паулсен-старший организовал Nordiska Hormon Laboratoriet⁸, которая должна производить АКГГ в промышленных масштабах... в помещении площадью 60 квадратных метров в Мальмё. Вот из чего выросли будущие лаборатории концерна «Ферринг», современного предприятия с миллиардными оборотами.

⁸ Прим. переводчика: «Северная лаборатория гормонов».

Благодаря врождённой интуиции Фредерик Паулсен-старший создал одно из самых влиятельных предприятий мировой фармацевтической промышленности. Когда его спрашивали, в чем ключ к успеху, ученый отвечал, что просто не следовало думать о доходах. «Успех, – говорил он, – это результат счастливого стечения обстоятельств».

Фредерик Паулсен вспоминает о своем отце, имя которого он носит, как о необычном человеке: «Это был эрудит, гуманист. Однажды я спросил у него, почему дома нет энциклопедии. Он мне ответил: «Что ты хочешь знать?» Он знал все... За столом мы говорили о хеттском языке, этимологии слов, о науке... Ценность для него представляли прочитанные книги и полученные знания. Несомненно, истинно протестантские ценности. Это был один из буржуазных эрудитов, которых называли тогда в Германии «gebildetes Bürgertum»⁹ – исчезнувшее сегодня выражение, французский эквивалент которого был, вероятно, «honnête homme»¹⁰. Образованность была чем-то социально значимым».

Своим успехом лаборатории «Ферринга» многим обязаны Еве Франдсен, блестящему химику.

Отец, сбежавший из Германии и объехавший Европу прежде, чем начать жизнь с нуля в новой стране, человек, который выучил русский, чтобы лучше понимать революционную страну, был, как говорит его сын, «гражданином мира». Отцу он обязан интересом к истории и стремлением к универсальным знаниям. «Мой отец гордился, когда мы получали знания ради

---

⁹ Прим. переводчика: «образованный средний класс».

¹⁰ Прим. переводчика: «благовоспитанный человек».

знания. Мы испытывали к нему огромное уважение. В то время дети не были, как сегодня, друзьями своих родителей».

Еще одно качество, унаследованное Фредериком Паулсеном от своего отца, это независимость мышления, стремление думать самому, то, что в юности сформировало довольно строптивый характер. «Нелегко быть рядом с человеком с таким складом характера, – вспоминает он. – Я им сильно восхищался, но и у меня, как у всех, был переходный возраст. Мне было 16 лет, когда я покинул дом. Отправился жить в Стокгольм вплоть до получения аттестата».

Это время, когда Фредерик Паулсен-младший словно колеблется между обожанием отца и отрицанием его авторитета. Отец остался чрезвычайно антигермански настроенным, сын решает поехать учиться в Германию. Но он также оправдывает свой выбор отказом следовать моде, по воле которой в конце шестидесятых годов студенты отправлялись в Соединенные Штаты целыми чартерными рейсами – как всегда, отказ от господствующей идеологии. «Я поехал в Киль, – рассказывает он. – В тот же университет, что и мой отец, чтобы изучать химию. Но я не думал идти по его стопам. Напротив, в это время у меня сложились два убеждения. Первое, что я не буду работать на моего отца и его организацию, потому что они были капиталистами... Когда он спросил мое мнение о будущем предприятия, я ответил ему: «Отдай его работникам!». Второе убеждение: я поклялся себе, что никогда не буду жить в Швейцарии, этой стране мелких буржуа. Вот, что я думал в 18 лет, – с едва уловимой улыбкой говорит человек, через сорок лет перенесший в окрестности Лозанны свой фармацевтический холдинг, унаследованный от отца. – Жизнь так устроена...»

Завершив обучение химии в Киле, Фредерик Паулсен возвращается в Швецию, чтобы продолжить обучение управлению в Университете Лунда, рядом с Мальмё. «Я пользовался великодушием системы, внедренной Улофом Пальме, который платил за студентов! Я также развил там предпринимательскую деятельность, поднимая университетский паб и вкладывая понемногу в недвижимость. Все это выглядело очень скромно». Во время одного из пребываний в семейном доме в Фёре, который отец выкупил разрушенным и восстановил в 1960-х годах, Фредерик Паулсен знакомится с Фолькертом Фалтингом, сыном крестьянина с острова и студентом факультета языкознания. Фолькерт Фалтинг вспоминает эту первую встречу. Высокий молодой человек в очках в толстой черной оправе, немного угрюмый или скорее молчаливый, оказавшись перед ним, выпалил: «Die Heringe der Nordsee sind größer als die Heringe der Ostsee?» («Сельди Северного моря намного больше, чем сельди Балтийского?»).

Германия, 1960-е. Первые шаги международной компании.

Фолькерт говорит, что размышлял над этим зашифрованным посланием в течение двадцати лет, прежде чем понял, что это была первая фраза в учебнике немецкого языка для шведских школьников. Фредерик Паулсен-младший попытался учить немецкий в школе, как иностранный язык. Дома родители говорили на шведском, каждый со своим акцентом (отец с фризским, мать – с датским). «Когда я поступил в университет, в возрасте 20 лет, я не говорил ни слова по-немецки. Мой отец был настолько антигермански настроен, что воспротивился тому, чтобы я учил этот язык!»

Фредерик Паулсен воспитывался на шведском, выучил английский в 11 лет, читая научно-фантастические романы – он был настолько увлечен ими, что исчерпал все шведские издания. Освоил датский, проглатывая «Тарзана» – другую страсть детства. Французский стал домашним языком общения после 30 лет. Языки – его богатство.

В 20 лет Фредерик и Фолькерт строили планы на будущее. «У него была идея фикс: отправиться к труднодоступному острову, – вспоминает Фолькерт. – Он заставил меня поклясться, что первый из нас, кто станет богат, возьмет другого на этот остров...» «Мы сошлись на путешествии к Фарерским островам, где говорят на языке викингов, – добавляет Фредерик Паулсен. – Это казалось нам символом далекого, недоступного». Юноши также пишут письмо королю Тонга с предложением купить остров из его архипелага. «У нас даже не было подтверждения о получении. Мы были разочарованы...»

В 1960-х и 1970-х годах происходит стремительный рост лабораторий «Ферринг». В 1954 году Фредерик Паулсен-старший смог выкупить доли своих партнеров и переименовать компанию, выбрав новое название в честь острова Фёр и своего родного редкого языка, фризского. Положившись на развитие предприятия в тех географических зонах, где крупные бойни гарантировали бесперебойную поставку свиного гипофиза, «Ферринг» быстро завоевала значительную долю североевропейского рынка. Начиная с 1961 года производство синте-

зированных пептидных гормонов открыло новое поле для исследований. Десмопрессин, выпущенный в продажу как антидиуретическое средство под названием «Минирин», становится бестселлером продаж. «Гевискон», открытый случайно, успешен как средство, применяемое при лечении желудочных расстройств. В 1973 году группа компаний «Ферринг» начинает международную деятельность, открыв в Киле свой первый за пределами Скандинавии завод по производству препаратов.

В начале 1980-х Фредерик Паулсен передает управление исследованиями своему сыну. Сам же он возвращается на Фёр и посвящает себя сохранению фризской культуры.

В 1975 году Фредерик Паулсен завершает обучение и понемногу погружается в дела фирмы. Молодой человек вывел из себя отца: «Он был взбешен, что я поступаю по-своему. Я очень любил студенческую жизнь. Он же считал, что несерьезно торговать пивом и прожигать жизнь в обществе многочисленных подружек». Если спросить, думает ли Фредерик Паулсен, что его отец был разочарован тем, что сын не пошел по его собственным стопам в медицину, то ответ предпринимателя категоричен: «У него не было подобных намерений. У него уже был сын-медик...»

Фредерику 26 лет, он не видел отца уже два года. «Однажды, я помню, это был четверг, позвонил отец. Организация, в которой у семьи были интересы, хотела выйти на рынок в Соединенных Штатах, и мне, молодому предпринимателю, суждено было этим заняться. Я увиделся с отцом, он вынул из кармана билет на самолет и чек на 50000 долларов: «Ты едешь в понедельник!» Это было отцовское решение и, разумеется, необсуждаемое. В Швеции у меня была подружка, мои дела шли хоть и скромно, но достаточно хорошо... но я не мог отказаться от подобного решения».

Чтобы поднять компанию, которая будет производить средства защиты слуха в районе Вашингтона (округ Колумбия), молодой руководитель закупает оборудование, нанимает персонал, инженера из Эквадора, двадцать вьетнамских рабочих. «Я обожаю этот опыт. Царила типично американская атмосфера: не было ни одного сотрудника-американца! Наши дела скоро пошли в гору, и через два года один клиент сделал нам предложение по покупке компании, оценив мою долю капитала в 200000 долларов. Я испытывал невероятную гордость».

В 1979 году к Фредерику Паулсену в Соединенные Штаты приезжает отец. «Ему семьдесят лет, а мне еще нет тридцати, – рассказывает сын. – Он устал от конфликтов между управляющими и поставил меня перед выбором: или я занимаюсь предприятием, или он продает все. Я подумал и на следующий день сказал ему: «Да, я возглавляю компанию на двух условиях: ты уходишь со всех руководящих должностей, а я становлюсь единственным акционером. Он был удивлен, но согласился».

Фредерик Паулсен-старший будет смотреть в оба за исследовательской деятельностью «Ферринга», но все чаще и чаще станет возвращаться на остров Фёр, где он создал фонд по охране фризской культуры. «Мы, люди Фёра, разбросаны по всему миру, – говорил он, – но мы всегда возвращаемся туда на старости лет».

Фредерик Паулсен восхищается мужественным решением своего отца: «Он был гуманист; сохранять фризскую культуру было его страстным желанием, тем, чем он всегда хотел заниматься. У всех есть мечты, но сколько тех, кто готов отказаться от комфортной жизни, чтобы их воплотить?»

«Он смог избежать искушения творцов: стать заложником своего творения. Он много раз менял профессию: медик, ученый, предприниматель, затем он удалился на свой остров как гуманист, чтобы сконцентрироваться на фризской культуре. Он сделал это совершенно искренне, совершенно добровольно, с успехом, который вызывает уважение: королева Дании и президент Германии приехали к нему ради его фонда. И после шестидесяти мой отец умел меняться, не цепляясь за прошлое, не желая умереть за письменным столом. Я считаю, это прекрасно. Он был безмерно счастлив благодаря своему выбору».

Заклучив соглашение с отцом, Фредерик Паулсен-младший усердно трудится три года, чтобы приобрести опыт – сначала в американской фармацевтической компании, затем в Париже, где готовит выход «Ферринга» на рынок Франции.

«Кто бы мог поверить, что именно ты, Фредерик, самый младший ребенок, возглавишь компанию?»

«Я питал, как все уважающие себя скандинавы, что-то вроде презрения к этой столь несерьезной латинской стране! Но я научился глубоко любить ее. Здесь я встретил Анну, мать моих детей, шведку, которая быстро получила французское гражданство. Было решено остаться во Франции. Чтобы семья интегрировалась, нужно было говорить на французском. Анна приехала в Париж в 18 лет, она прекрасно говорила по-французски. Но для меня, которому было 35, два первых года были трудными!» Французский стал родным языком их троих детей.

Все, что вырисовывается перед Фредериком Паулсеном в 1980-е, грандиозно: расширяющееся фармацевтическое предприятие, 15 миллионов долларов оборота. Доктор Александр Лумброзо, исследователь, близкий к его отцу, готов помогать ему в компании всем, чем может: «Александр, – говорит Фредерик Паулсен, – был для меня наставником. Я многому у него научился».

«В начале января 1983 года я занимаю пост генерального директора компании «Ферринг АБ» в Мальмё, мне всего 32 года. Диковатый молодой человек внезапно становится главой фармацевтической международной компании. Это невыразимое чувство, почти сверхъестественное: все принимаемые решения рождались у меня голове. В холдинг «Ферринг» были интегрированы разные организации. Мой отец обладал 100 % акций в Швеции, моя мать имела большую часть в Дании, мой дядя в Германии... В англо-саксонских странах три маркетинго-

вые компании также назывались «Ферринг», продавали ту же продукцию, не имея никаких договоров между собой. Настоящий кошмар».

Тридцать лет спустя доктор Александр Лумброзо вспоминает, как пришел к власти Фредерик Паулсен-младший, продолжив дело отца.

«Его отец был выдающимся эндокринологом, – объясняет он. – У него было четкое видение, благодаря которому он стал интересоваться гормонами мозга в тот момент, когда в цене были только половые гормоны. Гормоны мозга, они – хозяева! Это дирижер оркестра, который управляет другими гормонами, уравнивает весь гормональный фон. Даже сегодня известны далеко не все гормоны мозга». Развитие «Ферринга» в течение первых тридцати лет существования всецело обязано этому прозрению. Продукция говорила сама за себя. «Если я предлагал Фредерику Паулсену-старшему провести небольшое маркетинговое исследование, он безапелляционно отвечал: «Врачам, если у них есть необходимость в моем продукте, нужно знать только то, что он существует!» Конечно, так было не всегда, но он не отличался сговорчивостью».

Взяв управление компанией в свои руки, сын переворачивает вверх дном эти убеждения. Фредерик Паулсен-младший нанимает маркетологов и понемногу внедряет свои собственные представления о том, как руководить компанией и как ее расширять на всех континентах. Он не боялся спорить со своим советником: «Он не признает границ, – говорит Александр Лумброзо. – Он хотел установить свой флаг повсюду! Я ворчал на него, так как организация была маленькой, а средства ограниченными. По-настоящему выйти на рынок в Соединенных Штатах казалось слишком дорого. Он: «Нет, мы туда идем!» Говоришь, что освоение рынка в Южной Америке, в Азии ничего не даст. «Нет, мы туда идем!» Через год он, смеясь, показывал мне бюджеты: компания развивалась везде, куда его отговаривали выходить!»

Самое большое приращение капитала происходит в 1993 году, когда лаборатории «Ферринга» начинают производство «Меногона» для лечения бесплодия. С этого момента предприятие занимается не только сферой пептидных гормонов. Фредерик Паулсен вывел его на новый путь, который сегодня приносит более трети дохода.

Фредерик Паулсен был избран президентом и генеральным директором холдинга «Ферринг» в 1988 году. Он выполняет обещание, данное Фолкерту Фалтингу, и приглашает его в путешествие к Фарерским островам, расположенным на полпути между севером Великобритании и Исландией. Два друга берут с собой юных сыновей, объезжают архипелаг на корабле и на вертолете, едят китовое мясо, наблюдают за гагарками. Потом будут и другие путешествия: поиски последнего пустынного острова – сначала в архипелаге, на который когда-то совершали набеги пираты, вблизи Коста-Рики, но потом все дальше и дальше в царство холода: на Шпицберген, в Гренландию... Это походило на великое путешествие к северу, начало которому положило изгнание Фредерика Паулсена-старшего в Швецию.

Теперь у Фредерика Паулсена есть деньги, недостает только времени, чтобы ими воспользоваться: «Мне потребовалось почти восемнадцать лет, чтобы сделать из компании «Ферринг» слаженное производственное объединение. В течение этого периода вся моя энергия была направлена на работу. Деньги начинали накапливаться, но я ими по-настоящему не пользовался. Я не думал ни о чем, кроме работы. Деньги были лишь результатом, но не целью. Возможно, это один из ключей к успеху. Я всегда все вкладывал в компанию, которая теперь находится в солидном финансовом состоянии. Моя прабабушка всегда говорила, что никогда не следует брать займы!»

Только в конце 1990-х Фредерик Паулсен-младший смог ослабить вожжи правления своим предприятием, как это сделал его отец за тридцать лет до него, и отправиться в свои самые дальние экспедиции. За Полярный круг, к полюсу.

В свои 87 лет Александр Лумброзо по-прежнему занимает кабинет рядом со своим начальником в парижском представительстве «Ферринг» на бульваре Сен-Жермен. Он уже

давно должен был быть на пенсии и смеется, прищуривая глаза, над этим несоответствием. Старый бодрый медик рассказывает, при каких особых обстоятельствах Фредерик Паулсен обратился к нему в 2005 году. «Он решил принять предложение и купить право на производство abortивных таблеток «Ру486». Такое решение не поддерживал директор «Ферринга»: он боялся бойкота со стороны Соединенных Штатов и потери там важного филиала компании из-за «прихоти» президента. Тогда Фредерик позвонил мне, сказав, что у него есть небольшое поручение для меня...»

Почти в 80 лет Александр Лумброзо на три года оказался во главе «Экзельджин» (Exelgyn), чтобы организовать выпуск abortивных таблеток в таких странах, как Италия, где аборт запрещен. Он видит в «демократическом» решении, найденном Фредериком Паулсеном, печать его стиля: «Фредерик не навязывал своего выбора совету директоров. У него есть прекрасное качество: будучи самодержцем – он умеет слушать других. Это не всегда заметно, но это так».

Александр Лумброзо охотно говорит о своей тридцатилетней привязанности к Фредерику Паулсену и о масках, которые он увидел последовательно сброшенными: «В греческом театре маска значит «персона». Слово одновременно означает объект, который скрывает, и персонажа, воплощаемого актерами...»

Затем без предупреждения он переводит разговор на то, что не понимает увлечения полярными экспедициями своего друга: «Хватит уже полюсов! Я так и не понял, как можно это любить: холодно, плохо... Почему он не перевернет эту страницу? Можно было бы искать в этом «бутон розы» (rosebud) Орсона Уэллса: что за этим скрывается? Возможно, тот факт, что, когда Фредерик был маленький, его мать уехала вместе с братом и сестрами и что нужно сделать что-то невероятное, чтобы привлечь ее внимание...»

«Бутон розы (rosebud)», это последнее слово, произнесенное на ложе смерти миллиардером Чарльзом Фостером Кейном в «Гражданине Кейне», шедевре Орсона Уэллса, слово, загадку которого пытается разгадать журналист, и есть главная интрига фильма. Журналист возвращается в редакцию, не найдя ответа на свой вопрос, но последний кадр фильма, видный лишь кинозрителю, – сгорающие детские санки. На потертом сиденье нарисована роза и надпись: rosebud (розовый бутон). Всё в нашей жизни «родом из детства».

Свою собственную «детскую» историю Фредерик Паулсен рассказывает так: «В Стокгольме в лаборатории мой отец работал вместе с датской ученой Евой Франдсен. Он влюбился в нее. И развелся, чтобы жениться на ней. В Швеции в начале пятидесятых годов это было огромным скандалом! Он оставил моего старшего брата и моих четырех сестер с моей биологической матерью, а меня взял вместе с собой к той, которую я потом назвал своей мамой. Мне было пять лет. Однажды, говоря о разводе своего друга, отец сказал мне: то, что происходит между мужчиной и женщиной, не может быть понято никем другим. Это должно было быть своеобразным объяснением».

В холле представительства «Ферринг» в Сен-Пре, рядом с Лозанной, произведения искусства выстроились на фоне неподвижных вод, лежащих меж Юрскими горами и озером Леман. Справа деликатно освещенные статуи, собранные во всех странах, в которых представлено предприятие. Напротив – большая настенная фреска в пастельных тонах, будто представляющая другие галактики. Речь идет о молекулах, принеших успех компании, и Фредерик Паулсен уточняет их названия одно за другим, задерживаясь на самой простой, на самой маленькой – «эта открыта моей матерью».

Через пятнадцать лет после ухода из жизни своего отца, умершего в 1997 году в возрасте 87 лет, Фредерик Паулсен рассказывает о личном. «Я был младшим, расточительным сыном. Мой старший брат, Отто, был сверходаренным ребенком. Он учился медицине, как и отец, который очень гордился им. Область его интересов отделила Отто от родительского предприятия. Он возглавил клинику. Мой брат – хороший, очень хороший человек. Сейчас он на пенсии

и каждый год проводит несколько месяцев в Африке, а зимой в Гренландии, где безвозмездно помогает местному населению. Я рад, что отец прожил достаточно долго, чтобы видеть, как мы сумели увековечить созданное им, дать достаточно прочное положение основанному им предприятию, построить его отделения по всему миру. Заставить приносить щедрые плоды то древо, которому он и моя мать посвятили свою жизнь. На закате дней он сказал мне: «Кто бы мог поверить, что это будешь ты, Фредерик, самый младший, что именно ты возглавишь компанию и будешь представителем всей нашей семьи...»

Фредерик Паулсен настаивает на ироничном тоне, с которым отец произнес эти слова: «Не думайте, что это был комплимент! Для него это было глубоким потрясением. Как я, самый непослушный, тот, кто создавал больше всего проблем, смог в этом преуспеть?»

Хатанга, январь. Солнце вновь появляется над горизонтом после двух месяцев полярной ночи.

Глава 2

Шампанское в Арктике

Огромный – размером с двухэтажное здание – вертолет Ми-26 приземлился на заснеженном, отшлифованном ветром поле на $81^{\circ}16'$ северной широты. И гигантские размеры вертолета, и топонимика окружающей его местности несут на себе следы советского прошлого. Место уже не называется мыс Молотова, как в эпоху сталинизма, но на юге остров Большевик и остров Октябрьской революции по-прежнему стоят на страже северных широт. К северу распростерся Северный Ледовитый океан – место работы героических ученых, отважных летчиков и храбрых капитанов, которые проходили парадом по Красной площади в дни советских праздников – во всяком случае, тех из них, кого не поглотили многолетние льды.

25 сентября 1999 года мы находимся на мысе Арктическом, небольшом выступе в Северном Ледовитом океане, обращенном к северу. СССР прекратил свое существование 8 лет назад, но словно все еще существует здесь, замороженный, в тысяче километров от Северного полюса.

В развалинах советской империи два француза нашли путь к Северному полюсу.

Люди в ушанках кладут доски на козлы. Достают белую скатерть, закуски, помидоры, бутылки водки. Один из приглашенных переоделся четырехметровым полярным медведем. Празднуется юбилей одного из последних героев Советского Союза Артура Николаевича

Чилингарова, заместителя председателя Государственной думы и Героя Советского Союза. Он хотел отпраздновать свое шестидесятилетие на Северном полюсе. Огромный Ми-26 не нашел достаточно толстого льда, чтобы сесть и разгрузиться, так что он проделал только половину пути. Праздник устроили на самом близком к полюсу участке суши, на мысе Арктическом. Фредерик Паулсен, как все гости, получает значок с изображением Артура Чилингарова, маленькие российские флаги и буклет, в котором на каждой странице фигурирует окладистая борода героя дня. Журналист фотографирует. «Сцена была совершенно сюрреалистической, – рассказывает Кристиан де Марлиав, один из двух французов – организаторов экспедиции. – Фредерик никого не знал, казалось, он хотел спросить, куда он попал». Фредерик Паулсен открывает для себя Арктику и работающих здесь российских полярников. Он привез ящик «Вдовы Клико». Увы, в отличие от водки шампанское замерзает. Солнце скоро исчезнет, чтобы отправиться на долгие месяцы в Антарктиду. Оно больше не поднимется, чтобы согреть гостей. Все погружаются в вертолет, чтобы продолжить праздник южнее, в Хатанге.

Порт Хатанга скован льдом семь месяцев в году (на фото освобождают ото льда винты судна).

Двое увлеченных Севером принимают Фредерика Паулсена в этот странный мир. Двое французов, Кристиан де Марлиав и Бернар Бюиг, встретились десять лет назад, когда готовили экспедицию «Трансантарктика» на другом конце света. Кристиан де Марлиав был профессором математики и инструктором по лыжам; Бернар Бюиг санитаром и другом Жан-Луи Этьена, разработчика проекта по пересечению Антарктиды. И тот и другой обладали редкими талантами, проявившимися в высоких широтах. Талантами, необходимыми для организации сложного материально-технического обеспечения экспедиции, сплотившей людей шести национальностей. Это была первая экспедиция, которая смогла пересечь Белый континент без использования механических средств. Она смогла преодолеть 6300 километров через снежную пустыню, большую, чем Сахара. Обогащенные этим опытом, Бернар Бюиг и Кристиан де Марлиав вскоре совместно разработают невиданный проект: туры на Северный полюс.

Для покорения российской Арктики нашелся союзник – Виктор Боярский. Лихой русский полярник, способный обнаженным мыться на сорокаградусном морозе, открывает двум французам двери в русский полярный мир. Боярский – директор Музея Арктики и Антарктики – обратился к ним, когда крушение СССР довело музей до катастрофического положения. «Зарплаты больше не выплачивались, – рассказывает Кристиан де Марлиав. – Мы взяли на себя расходы на персонал и отопление в течение двух лет. Поменяли сигнализацию, сделали ремонт...» Взамен они получают возможность познакомиться с Хатангой, одним из самых северных поселений на свете, в котором за несколько мешков картошки им подготовили посадочную полосу для огромного вертолета МИ-8. Во времена холодной войны Хатанга была аванпостом Советской армии, арктическим лицом СССР, смотревшим в сторону североамериканского врага. Но и сейчас в этом полуразрушенном мире осталась его главная ценность – специалисты.

«Мы нашли чудесных людей, – вспоминает Бернар Бюиг. – Пилот посадил вертолет рядом со сбитой на скорую руку лачугой. Мы выгружаем багаж, наши новые друзья сооружают баню из трех остатков настила, и все купаются нагишом на виду у моржей!» У Хатанги есть и другой важный козырь: это идеальный пункт для отправки к Северному полюсу. «Вылетев отсюда, на полпути к полюсу можно дозаправиться на острове Средний, на котором размещена пограничная застава», – объясняет Бюиг. Село становится материально-технической базой небольшой организации «Широта 90°», созданной двумя французами.

Каждый год, когда возвращается солнце, дрейфующую базу «Барнео» устанавливают вблизи Северного полюса.

В 1992 году «Широта 90°» впервые фрахтует самолет Ан-2 и везет группу туристов к Северному полюсу. Следующей весной Кристиан де Марлиав сопровождает группу лыжников, высаженных на лед, чтобы пройти на лыжах последний градус, 111 километров. Сарафанное радио работает, спрос растет. Но насколько безопасно вести туристов по многолетним льдам? Кристиан де Марлиав – знаток истории освоения Арктики. Он знает, что с давних пор у советских людей есть дрейфующие научные станции: несколько палаток, небольшой трактор, чтобы расчистить посадочную полосу на льду. Суровые условия! Но еще в 1937 году трое ученых и руководитель группы Иван Папанин прожили на дрейфующих льдах в течение девяти месяцев, сделав большое количество наблюдений.¹¹

---

¹¹ Прим. переводчика: речь идет о дрейфующей станции СП-1 (Северный полюс-1): Папанин И. Д. – руководитель, Кренкель Э. Т. – радист, Федоров Е. К. – геофизик, Шишов П. П. – гидробиолог и океанограф. Они открыли станцию 6 июня 1937 года, а закрыли 15 марта 1938 года.

Бернар Бюиг со своим компаньоном Кристианом де Марлеавом пионеры в области организации туров к Северному полюсу.

В 1993 году «Серполекс»¹², организованное французами общество с ограниченной ответственностью, представляет новый проект общественности – базу на дрейфующих льдах. Власти Хатанги оказывают поддержку. Русские в шутку называют базу «Борнео». Произносимое по-русски, название превращается в то, под которым самая близкая к Северному полюсу станция известна сегодня: «Барнео». Туризму Северного полюса дан старт.

---

¹² Прим. переводчика: изменение названия вызвано необходимостью перерегистрации ТОО (1992 год) в ООО.

Открытие мамонта Жаркова изменило жизненный путь Бернара.

Теперь Бернар Бюиг и Кристиан де Марлиав проводят многие месяцы в Хатанге, где они купили дом. Они исследуют тундру, населенную долганами. «Мы были единственными чужеземцами в Хатанге, – рассказывает Кристиан де Марлиав, – долгане приходили к нам, чтобы продать бивни мамонта. Сначала нас эта торговля не интересовала, не было желания спекулировать бивнями! Но нам предлагали также косточки, лопатки, огромные бедренные кости... Их было столько, что, совершенно очевидно, с этим надо было что-то делать. Связались с палеонтологами и сказали долганам, что если они найдут целый скелет, то его купят. Слух разошелся...»

В 1997 году Геннадий Жарков, долганский охотник, сообщает, что видел клоки шерсти мамонта, выступающие из вечной мерзлоты в 250 километрах к северу от Хатанги. Взмолнованный Бернар Бюиг проводит радиозондаж, чтобы подготовить извлечение цельного блока льда, содержащего мумию животного. Летом 1999 года все подготовлено. Названный именем своего первооткрывателя «Мамонт Жаркова» вскоре станет известен во всем мире.

Этим же летом 1999 года с «Серполекс» связался совершенно особенный клиент: в статье, опубликованной по случаю 90-летия «завоевания» Северного полюса Робертом Пири, увлеченный предприниматель нашел информацию о компании, которая возит туристов к Северному полюсу. Ему не терпится самому туда отправиться. Сезон завершен, база «Барнео» демонтирована, как и каждый год, 1 мая, до того, как многолетние льды станут слишком хрупкими. Но Фредерик Паулсен настаивает: он готов оплатить путешествие к Северному полюсу в разгар лета.

Пункт отправления – архипелаг Свальбард¹³. Но из-за материальных и технических сложностей российские власти не позволили довести дело до конца. В середине июля Бернар Бюиг решил вызвать Фредерика Паулсена в аэропорт Руасси, когда он отправлялся вести переговоры с каналом «Дискавери» для освещения операции «Мамонт Жаркова», чтобы сообщить

---

¹³ Прим. переводчика: Свальбард – норвежское название архипелага Шпицберген (немецкий вариант названия), самая северная часть Королевства Норвегии между 76°26' и 80°50' с. ш. и 10° и 32° в. д.

плохую новость. Слишком рискованное путешествие отменено. Главная забота «Серполекс» сейчас – извлечь мамонта изо льда, а не доставлять к полюсу миллиардера. Фредерик Паулсен взбешен, обмен приветствиями происходит в ледяной атмосфере.

Вскоре представляется новая возможность. Чтобы извлечь «Мамонта Жаркова» в глыбе замерзшей земли, французам понадобится Ми-26, самый мощный вертолет из всех, которые когда-либо конструировались. Человек, который может помочь с вертолетом и поддержкой властей, – не кто иной, как заместитель председателя Государственной думы Артур Чилингаров, входящий в самую верхушку новой российской власти. Счастливое совпадение: Чилингаров хочет пригласить многочисленных друзей праздновать шестидесятилетие на Северном полюсе. Он просит французов помочь профинансировать это особенное путешествие, предложив войти в состав этой праздничной экспедиции нескольким заинтересованным туристам. Бернар Бюиг и Кристиан де Марлиав готовы, они видят возможность утешить расстроенного клиента. Фредерик Паулсен воодушевленно принимает предложение и вскоре приезжает со своими друзьями в Москву, где знакомится с Артуром Чилингаровым.

Никто и никогда еще не был на Северном полюсе в начале полярной ночи. Между тем Чилингаров родился 25 сентября – в тот день, когда солнце на вершине мира заходит за горизонт на полгода.

Апрель 2000-го: Фредерик Паулсен с воздуха обзереет безграничные льды.

Оставалось сделать непростой выбор: вертолёт Ми-26 потребляет 3 тонны горючего в час, но этого недостаточно, чтобы слетать на полюс и вернуться обратно. Русские предлагают лететь до полюса и дозаправиться прямо на льду. Кристиан де Марлиав находит это предложение чрезвычайно рискованным: машина настолько тяжелая, что для ее посадки необходима толщина льда минимум 60 сантиметров. Если Ми-26 не найдет места, где сможет приземлиться, то все закончат свои дни в ледяной воде. Он предлагает лететь до пункта назначения с автономной дозаправкой в воздухе. Французы водили своих клиентов к полюсу уже семь лет без каких-либо трудностей, их опыт таков, что русские к ним прислушиваются.

Вертолет поднимается в воздух. Фредерик Паулсен сохранил тяжелые воспоминания об этом крещении арктическим воздухом. «Мне говорили о небольшой экспедиции, не вдаваясь в детали. Я сидел на складном стуле посреди резервного запаса керосина в огромном и очень шумном вертолете... Мы летели часов десять в тумане и темноте, это было полным сумасшествием. У меня не было никакой защиты от шума, там я, несомненно, потерял 10 % слуха!»

Наконец машина опускается на уровень льда: пилот ищет подходящую льдину для посадки. Он зависает в метре над поверхностью, Кристиан де Марлиав прыгает на лед с товарищем, вооруженным буром, чтобы проверить толщину: 30 сантиметров, этого недостаточно. Чуть подальше 40 сантиметров... нигде нет достаточной толщины льда. Невозможно приземлиться, нужно делать разворот на 180°. Оранжевое солнце пляшет над южным горизонтом.

Северный полюс недалеко, русские утверждают, что «почти» приехали. Кристиан де Марлиав вспоминает, что солнце было в двух градусах над горизонтом. «Мы находились в районе 88°», – считает он. Это небольшое вычисление, производимое до эпохи GPS, очень простое: «Известна высота солнца, 32 минуты, таким образом можно вычислить его высоту над горизонтом. Если 25 сентября оно скрывается на полюсе, мы были от него на расстоянии всего лишь двух градусов!»

Кристиан де Марлиав, математик, у которого секстант в голове, говорит, что высота солнца 32 минуты. Он мог бы округлить это значение до цифры 30, но этот человек не способен уступить и пяди земли (точнее, и двух минут угла...) во имя точности. Он никогда не делает вывода прежде, чем не просчитает его за несколько миллисекунд в уме, этом суперкомпьютере. Он обладает интеллектом, фантастической памятью и энциклопедическими знаниями – качествами, которые жизненно необходимы для организации полярных экспедиций, малейшая оплошность в которых может стать фатальной. Качествами, которые жизненно необходимы и вечером, в палатке, когда уставшим путешественникам хочется отдохнуть и поговорить.

Кристиана легко представить в парике и рединготе – в образе аристократа-ученого из века Просвещения. Но Кристиан в курсе всех современных научных достижений, вскоре он становится координатором научной программы «Тара-Арктика» на шхуне «Тара», пересекающей Северный Ледовитый океан.

17 октября 1999 года, через три недели после неудачи с поездкой к Северному полюсу, началась операция «Жарков». Огромный вертолет Ми-26, тот самый, который оказался слишком тяжелым, чтобы приземлиться на дрейфующей льдине, снова здесь. Бернар Бюиг выкупил останки «Мамонта Жаркова» и установил бивни в блок смерзшейся земли, на то место, где должна была находиться голова животного и где на самом деле оказалось только месиво из волос и костей. Теперь же, для телевидения, все выглядит невероятно эффектно – воображение с легкостью выстраивает образ мамонта, скрытого в блоке льда.

МИ-26, один из самых больших вертолетов в мире, уносит блок промерзшей земли, содержащей останки «мамонта Жаркова».

Куб в 23 тонны поднимают в воздух вертолетом под прицелом камер канала «Дискавери» и устанавливают в морозильной камере в Хатанге. Отныне в глазах всего мира Бернар Бюиг – человек, впервые извлекший мамонта из льда, не нарушив температурного режима. При

содействии палеонтолога Ива Коппена он основывает «Mammuthus»¹⁴, научно-исследовательскую программу мирового масштаба, которой отныне он посвящает свою жизнь.

Апрель 2000 года в Хатанге. Фредерик Паулсен вернулся сюда с шестью приглашенными, среди которых и Фолькерт Фалтинг, друг молодости, с которым они вместе мечтали о путешествиях к далеким островам.

Французская компания «Серполекс» уже очень популярна. Кинорежиссер Дидье Мартини, встреченный Паулсеном в Сен-Морице, снимает экспедицию, которая садится на борт Ан-2, чтобы достичь дрейфующей станции «Барнео». Маленький биплан облетает монотонную поверхность льдов, белые просторы, на которых гребни торосов складываются в четкую графическую структуру. Наконец вдалеке в боковом свете появляется скопление оранжевых точек: десяток палаток и два вертолета Ми-8 на отдыхе, их лопасти приспущены. Аппарат приземляется на подготовленную площадку рядом с палатками: «Мы встретили русских, не слишком приветливых, не знающих ни одного слова по-английски, – вспоминает Дидье Мартини. – У каждого был свой угол в палатке, своя приподнятая над полом кровать, ружье для защиты от белых медведей, фотографии семьи рядом с фотографиями приятелей, балалайка, подвешенная к основанию кровати». Погода дурная, дни проходят, а возможности гостям погрузиться на вертолет, чтобы сделать последний прыжок к Северному полюсу, все нет. Приходится убивать время водкой, икрой и шампанским. «Мало-помалу, с трудом продираясь сквозь языковой барьер, мы смогли понять, что все эти люди были гляциологами, климатологами и уче-

---

¹⁴ Прим. переводчика: лат. «Мамонты».

ными других специальностей, получившими дипломы более пятнадцати лет назад и жившими здесь в суровых полярных условиях. Вечером в час отдыха они доставали бутылку водки и начинали петь возбужденными голосами, полными эмоций. Открывали русскую душу во льдах Арктики...»

И вот, наконец, третья попытка Фредерика Паулсена достичь Северного полюса. Небо расчистилось, группа погрузилась на борт вертолета. Все шло, как намечено, когда внезапно вмешивается Фредерик Паулсен: «Я не хочу приземляться на Северный полюс на вертолете!» Машины приземлились в 600 метрах от цели, далее пошли пешком. Фредерик Паулсен на Северном полюсе прикасается к своей мечте. Маленький флаг Фёра установлен, бутылка шампанского открыта.

Северный полюс стал концом одного путешествия и началом другого. История началась в Арктике, где Фредерик Паулсен встретил выдающихся людей, которые дали ему ключи Великого Севера: двух французов, виртуозных организаторов, и многих русских, людей с горячими сердцами, живущих в этом холодном мире.

Дружба, завязавшаяся между Фредериком Паулсеном и Россией, ни на минуту не ослабевала в течение пятнадцати лет. «В детстве у меня была неприязнь к России, как у всех маленьких шведов, – вспоминает предприниматель. – Они украли у нас земли, на которых выстроили Санкт-Петербург и часть Финляндии. Кроме того, была холодная война. Каждый день мы просыпались, а в воздухе висела тревога. Более того, я ничего хорошего про Россию не слышал...»

Страна, принимающая Паулсена, находится в полном упадке, но холодная война закончена: «Я был приятно удивлен своему открытию: русские оказались страстными натурами, им свойственны редкая преданность в дружбе и невероятная находчивость. У них, как у всякого народа, есть свои недостатки, которые в то же время являются их достоинствами».

Жан-Фредерик, старший сын Паулсена, подтверждает, что путешествие к Северному полюсу было искрой, которая разожгла в отце страсть к России: «То, что пробудило его интерес, – именно эта сложность, эта тайна. В этом ключ, на мой взгляд. Он мне часто повторял, что Россия – это мир больших возможностей».

В Государственной думе, в живописном кабинете, украшенном собственными портретами и статуэтками полярных медведей, Артур Чилингаров между двумя звонками по одному из семи телефонов воскрешает в памяти свою встречу с Фредериком Паулсеном: «Это удачливый человек, одержимый! С тех пор, как мы встретились, мы говорили об Арктике и Антарктике. Я рассказал ему о своих экспедициях и видел, как горели его глаза, словно у ребенка. Он все еще ребенок! У него есть все, чтобы быть исследователем-полярником: он умеет ждать, не волнуется и делает то, что говорит. Между нами установились братские отношения».

«Чилингаров? Да это Тарас Бульба!» – говорит Эммануэль Дюран, хозяин книжного магазина «Панглосс» в Москве. Эммануэль Дюран познакомился с Фредериком Паулсеном в 2005 году, когда предприниматель пришел к нему просить совета по поводу энциклопедии о Сибири, написанной тремя русскими антропологами.¹⁵ Хозяин книжного магазина Дюран и Паулсен, эрудит и предприниматель, стали друзьями. «После одного из приемов мы пропускаем по стаканчику и гуляем всю ночь по Москве, как подростки. Он может так же вести себя с Кристианом де Марлиавом, с Франсуа Бернаром. Он может пойти навестить русского художника у него в студии. Тот рисует его в мехах, как Тарзана, с земным шаром вместо тестисов... и ему это нравится!» Импозантный и бородатый Эммануэль Дюран говорит о Чилингарове: «Он на одиннадцать лет старше Фредерика и покровительствует ему. Чилингаров награждает его медалями, Фредерик поднимает за него тосты. Недавно в Русском географическом обще-

---

¹⁵ Северная энциклопедия. – М.: Европейские издания, 2004. – 1200 с. Первый в истории книгоиздания универсальный свод информации, посвященный Северу России и соседям по арктическому региону.

стве, которое только что наградило его орденом, Фредерик поднял бокал за «Дедала», великого отца...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.